

УДК 327(100)(045)

*С.А. Семедов***ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Мировой порядок меняется. Меняется не только Ялтинско-Потсдамская и постбиполярная системы, но и Вестфальская система со своей государственноцентричностью и «диктатом великих держав». Складывается новая конфигурация в современной системе международных отношений. Санкции в системе международных отношений приобрели форму масштабных глобальных акций против отдельных государств. Санкции как экономический инструмент в международных отношениях стали «вселенским молотом» в руках мирового экономического гиганта – США – для решения своих узконациональных задач. Переформируются ценностные основы международных отношений. Информационные войны стали элементом современных международных отношений. Специальная военная операция (СВО) России на Украине меняет сложившийся после распада СССР порядок по-американски. От того, как Россия разрешит украинскую проблему, зависит будущий миропорядок.

Ключевые слова: Мировой порядок, трансформация мирового порядка, Россия, глобализация, геополитика, ценностные основы мирового порядка, информационные войны, дипломатия.

DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-4-480-490

Ссылка на статью:

Семедов С.А. Трансформация современного мирового порядка // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 4. С. 480–490. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-4-480-490>

Введение

Система международных отношений на современном этапе переживает процесс трансформации: увеличивается количество, меняется качество участников международных отношений, разноплановыми становятся их связи; изменяется правовое основание международных отношений и, в целом, глобального механизма управления этой системой. мироустройство с устоявшимися опорными блоками претерпевает глубинные изменения. Кризис современной мировой системы является катализатором ранее обозначившихся тенденций. Изменения в мире не происходят в одночасье и быстро, хотя «черные лебеди»¹ подстерегают человечество на каждом витке истории. В мире «все большей эрозии подвергается международная стратегическая стабильность» [1:10]. Мир сотрясают процессы и явления, которые выпадают из общей матрицы закономерностей международного развития. Новый феномен в современном мире – нарастание неустойчивости и неупорядоченности мироустройства, вызванное явным перенапряжением силовых линий в мировой политике. Мир усложняется, ускоряются политические процессы, непредвиденные и нелинейные события и явления создают непредсказуемую спонтанность, резкую смену ситуаций, образуются новые проблемные поля мировой политики, усугубляя нестабильность мироустройства.

Идея нового международного порядка принимает самые различные концептуальные формы, в многообразии которых можно выделить несколько интересных подходов. Американская школа политологии международных отношений продвигает усиленно концепцию «мира под руководством США». 28 января 1992 года в своей речи в Конгрессе президент Дж. Буш-старший заявил, что «мир, который раньше был разделен на два вооруженных лагеря, отныне признает одну-единственную господствующую державу – Соединенные Штаты Америки». З. Бжезинский также в начале 90-х заявил: «Мы построим новый мировой порядок на развалинах России и за счет России». Обладая несравнимой ни с одним государством мощью в военной, экономической, технологической, информационной и культурной сферах, США за последние 32 года пытаются сохранить свое лидерство в мире. «Способность США управлять политической и военной мощью остается самой важной задачей на пути к мировой стабильности. Соединенные Штаты должны выработать правила, создать институты и службы, которые помогут решить главные мировые проблемы, одновременно предоставляя другим

¹ «Черные лебеди» – понятие, введенное американским математиком и политологом Николасом Талебом; обозначают непредвиденные стихийные природные явления, которые могут неожиданно стать определяющим фактором в политических процессах в мире

странам – главным образом с растущей экономикой – возможность занять свое место в системе», – отмечает Ф. Закария [2: 22-23].

«В мире оформился вполне конкретный структурный блок государств с высоким уровнем экономического развития, человеческого капитала и технических компетенций. Если в прошлом подобные потенциалы трансформировались в военную мощь или шли рука об руку с ней, то со времён холодной войны в среде союзников США сформировался уникальный кластер успешных государств, не претендующих на силовые амбиции. Проблема в том, что данный кластер в перспективе может оказаться перед непростым выбором: оставаться под зонтиком американских гарантий либо постепенно наращивать свою стратегическую автономию. Дрейф таких сообществ, как ЕС, или таких стран, как Япония, в сторону стратегической самостоятельности способен принципиально перезагрузить матрицу международного порядка. Сохранение привычного полюса «США плюс союзники» уже не выглядит как заданный сценарий» [9].

Факторы окончания старого мирового порядка

Сегодня послевоенный период, возможно, подходит к концу. Относительная стабильность, которую обеспечивало общее понимание, что ООН и её нормы – это золотой стандарт международного поведения, давно подорвана и может рухнуть. Политолог Р. Саква выделяет 5 основных факторов, которые показывают на то, что наступает конец старому мировому порядку: *Первое* и самое главное – это военная кампания на Украине. Начало российской операции 24 февраля – это явный пересмотр принципов ООН. Москва утверждает, что право на самооборону прописано в статье 51 Устава ООН. «Но России не грозило нападение, хотя политический Запад, продвигаясь к её границам, уже давно пересёк «красную линию», и жёсткий ответ был неизбежен. Сторонники Москвы отмечают, что превентивная военная операция без санкции ООН осуществляется далеко не в первый раз, и напоминают о 78 днях бомбардировок Сербии силами НАТО в 1999 г., вторжении в Ирак в 2003-м и чрезвычайно широком применении резолюции ООН 1973 в марте 2011 г. для введения бесполётной зоны над Ливией. С этой точки зрения мир уже давно скатывается к беззаконию в международной политике, поэтому специальную военную операцию на Украине нельзя считать переломным моментом. У этих аргументов есть основания, но и отрицать тренд размывания уставных норм в международных отношениях тоже нельзя» [3: 34-50].

Второй фактор – критика поведения генерального секретаря ООН в период украинского кризиса, что только ухудшило имидж организации. Бывшего премьер-министра Португалии Антониу Гутерриша обвинили в том, что он встал на сторону политического Запада, вместо того, чтобы продвигать повестку мирного урегулирования. ООН не удалось стать площадкой для мирных переговоров, эту роль взяли на себя посредники, в частности, Турция. ООН помогла согласовать зерновую сделку об экспорте украинского продовольствия из Одессы, но на ранних стадиях конфликта не сумела обеспечить объективное обсуждение для оценки обвинений в военных преступлениях. В основном ООН была заметна своим отсутствием, но так она действовала и во многих предыдущих конфликтах. Относительно незаметная роль ООН в украинской коллизии сама по себе не говорит о коллапсе системы. Нормативные основы по-прежнему на месте, хотя и не реализуются.

Третий фактор возможного онтологического перелома – сам процесс подмены. Претензии «основанной на правилах» подсистемы на прерогативы, которые по определению принадлежат всему международному сообществу, неизбежно подрывают центральную роль уставной международной системы. Создание альтернатив в форме самозаявленных лиг и альянсов демократий только усиливает ощущение, что универсальный принцип суверенного интернационализма утрачен. С этой точки зрения, политический Запад воспринимается как узурпатор прав системы, следовательно, он подрывает практики международного права и непредвзятые нормы. Тот факт, что подмена оправдывается защитой этих самых норм, только усиливает ощущение, что происходит незаконный захват в корыстных целях. Если определённая группа государств претендует на роль арбитра, тогда зачем нужен рефери в лице ООН и её структур?

Четвёртый фактор – меняющийся баланс сил в международной политике. Одни считают, что у США, долгое время пользовавшихся превосходством, появился серьёзный соперник – Китай. Безусловно, происходят значимые сдвиги в балансе сил на уровне международной политики. Другие полагают, что международный порядок возникает из корреляции сил на этом уровне, значит, старый порядок с гегемонией США должен рухнуть, а новый появится после длительного периода соперни-

чества великих держав. Но если описанная выше модель имеет право на существование, такое прочтение неверно. Сдвиги сил в мировой политике, безусловно, важны, но сами по себе не влияют на основы международной системы. Они провоцируют конфликты и взаимные обвинения в Совете Безопасности и препятствуют достижению консенсуса по фундаментальным вопросам, но не меняют систему в целом. Распад Советского Союза упрочил высокомерные идеи о превосходстве политического Запада, но это не означало разрыва с системой.

Пятый фактор, который может свидетельствовать, что послевоенная международная система исчерпала срок годности, – появление формализованного политического Востока в противовес экспансионистским претензиям политического Запада. Подтверждением более активной роли Китая в международной политике является реализация инициативы «Пояс и путь», многомиллиардного проекта, включающего инвестиции в транспортную инфраструктуру, сети и порты сотни государств. Пекин также создал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, который уже сейчас вкладывает больше средств в проекты развития, чем Всемирный банк. Похоже, Бреттон-Вудские институты оказались на обочине. Россия и Китай объединились и сотрудничают с партнёрами из числа стран Глобального Юга в рамках ШОС (Шанхайской организации сотрудничества) и БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). Многие другие организации и ассоциации придают вес формирующемуся политическому Востоку. Важно, что заявленные им нормативные основы строятся на суверенном интернационализме и других фундаментальных идеях уставной международной системы. Бесконечная череда резолюций и деклараций подтверждает нормы ООН, иногда, правда, добавляется ссылка на 10 пунктов Бандунгской декларации 1955 г., которая и сама по себе включает принципы Устава ООН. Иными словами, появление политического Востока не угрожает уставной международной системе, а укрепляет её. Возможно, политический Запад видит картину иначе, тогда выдвижение представителей Востока на руководящие посты вызовет бойкот или выход из организаций. [более подробно см.: 3: 34].

Недостаток ООН в том и состоит, что она остается организацией, в рамках которой осуществляется «дипломатия суверенитетов». В то же время именно ООН и ее специализированные учреждения свидетельствуют о попытках передачи государствами части своего суверенитета в «общий котел» для решения задач, отвечающих общим интересам. В дальнейшем объем этой части будет неизбежно возрастать. С этой точки зрения можно сказать, что переживаемый ныне исторический период – это период перехода к новому международному порядку, регулируемому институтами, законные права которых будут складываться из добровольно отчуждаемой и постоянно возрастающей доли суверенитетов всех участников международных отношений.

Современный мировой порядок можно охарактеризовать следующими особенностями:

1. *Ключевая роль ООН.* После окончания «холодной войны» США и их союзники попытались оспорить роль ООН как единственной универсальной международной организации по поддержанию мира и безопасности. В XXI в. стала очевидной несостоятельность этих попыток. За ООН и ее Советом Безопасности сохраняется безусловный приоритет при рассмотрении острых международных проблем и право на признание / непризнание действий государств как соответствующих или противоречащих международному праву. К началу новой холодной войны в 2014 г. напряжённость в международной дипломатии обострилась даже больше, чем прежде. ООН оттеснили на обочину во время бомбардировок Сербии в 1999 г. и вторжения США в Ирак в 2003-м, но сегодня, с обострением кризиса европейской безопасности, Организация выглядит просто беспомощно. Она превратилась в площадку для трансляции разногласий, а не поиска способов их разрешения.

2. *Кризис режима нераспространения ядерного оружия.* В 1990-е гг. Индия и Пакистан завершили разработку ядерного оружия и в 1998 г. успешно провели ядерные испытания. К пяти официальным ядерным державам (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай) добавились две неофициальных. В 2006 г. ядерное устройство впервые испытала КНДР, ставшая третьим неофициальным ядерным государством. Обладателем ядерного оружия уже долгое время является Израиль (Тель-Авив эту информацию не подтверждает и не опровергает). *Официальные ядерные державы* – государства, которые подписали Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, 1968 г.) в качестве государств – обладателей ядерного оружия. *Неофициальные ядерные державы* – государства, обладающие ядерным оружием, но не связанные положениями ДНЯО. Индия, Пакистан и Израиль Договор не подписали. КНДР была участницей ДНЯО в 1985–2003 гг., но вышла из него после того, как США причислили ее к «оси зла», пригрозив «превентивным» применением против нее военной силы.

3. *Новые вызовы и угрозы.* Минимизация рисков глобальной военной катастрофы в результате прекращения биполярного противостояния позволила международному сообществу сфокусироваться на разрешении внутрисударственных конфликтов, а также вызовов и угроз «нового поколения». К ним относятся: международный терроризм, этноконфессиональные конфликты, киберпреступность и проблемы информационной безопасности, «гибридные угрозы» и «гибридные войны», глобальное изменение климата, а также трансграничная оргпреступность (торговля наркотиками, оружием и людьми), пиратство, стихийные бедствия, эпидемии (пандемии).

4. *Рост влияния экономических факторов на международную политику.* Углубление интеграционных процессов в ряде регионов мира. «Геополитика отражает смещение равновесия в мире и растущее напряжение между государствами. Энергетика показывает драматические изменения в поставках энергоносителей на мировой рынок, вызванные, с одной стороны, значительными переменами в ситуации с развитием энергетики в Соединенных Штатах, которые невозможно было представить себе еще десятилетие назад, и, с другой стороны, глобальным расширением использования возобновляемых источников энергии, а также политикой по проблемам климата» [4: 9]. «С окончанием холодной войны сложился новый мировой порядок. Экономическая конкуренция, региональные противоречия, этнические и религиозные столкновения пришли на смену традиционной идеологии в интернациональных и национальных конфликтах в условиях распространения современного оружия. На первый план вышла новая идеология – религиозный экстремизм и джихадизм. Однако нефть по-прежнему останется стратегическим товаром, имеющим решающее значение для национальных стратегий и международной политики [5: 45]. «Сегодня мы настолько зависим от нефти, а нефть так внедрилась в наши повседневные дела, что мы до конца не осознаем ее широкого значения. От нефти зависит, где мы живем, как мы живем, как мы работаем, как мы путешествуем, даже как мы ухаживаем. Нефть – это кровь в сосудах урбанизированных сообществ. Нефть (и природный газ) является существенным компонентом при производстве удобрений, от которых зависит мировое сельское хозяйство; нефть позволяет перевозить продукты питания к мегаполисам, которые не могут сами удовлетворять свои потребности. Нефть дает нам пластмассу и химикаты, которые являются кирпичиками и цементирующим раствором фундамента сегодняшней цивилизации – цивилизации, которая рухнет, если нефть в скважинах всего мира внезапно иссякнет [5: 46-47].

5. *Информационная безопасность.* Многократно возросшие в XXI в. потоки информации серьезно затрудняют адекватную проверку ее достоверности. В условиях формирования единого мирового информационно - цифрового пространства; технологической революции, открывшей эпоху смартфонов и социальных сетей; повсеместного внедрения технологий 4G и скорого внедрения технологий 5G возникли беспрецедентные возможности для колоссального информационного воздействия на миллиарды живущих на планете людей, их пропагандистского «облучения», манипулирования их сознанием. Все чаще возникают международные кризисы, порождаемые распространением недостоверной информации для достижения определенных политических целей.

6. Еще одной новой международной проблемой стало *глобальное изменение климата*. Впервые она была осознана в мировом сообществе в 70-е гг. XX в., но лишь к концу XX в. была накоплена необходимая научная база для принятия мер по противодействию этой угрозе

7. *Энергетические вызовы XXI в.* Последняя декада XX столетия была отмечена относительным изобилием и невысокой стоимостью углеводородного сырья, что в немалой степени снизило актуальность энергетической проблематики в глобальном масштабе.

8. *Новая роль Арктического региона.* Арктика пока остается регионом с пониженным конфликтным потенциалом, однако и здесь имеются межгосударственные разногласия и территориальные споры. По сей день не урегулирован спор между Москвой и Вашингтоном по поводу линии разграничения экономических зон в Беринговом море. Линия разграничения «Бейкера – Шеварднадзе», установленная в 1990 г. и ставшая одной из крупнейших односторонних уступок СССР периода «поздней перестройки», не признается российской стороной и не ратифицирована российским парламентом. Не до конца урегулированы территориальные разногласия между Канадой и Данией, Данией и Россией, Россией и Канадой. Договор о разграничении морских пространств в Баренцевом море, подписанный в 2010 г. Россией и Норвегией по итогам трудных 40-летних переговоров, вызвал широкую полемику в российском экспертном сообществе [1: 16-50].

9. *Украинский кризис фактически «расшатал»* всю архитектуру мирового порядка. Потенциал саморегулирования мировой системы в целом уже исчерпан, возможности «лечения», модернизации

ее отдельных компонентов неэффективны. СВО России на Украине – это акт отчаяния и крик о невозможности «жить по-старому», это своего рода революция среди «великих держав» и попытка ... «В условиях возросшей военно-политической нестабильности, но сохраняющейся относительной экономической и информационной открытости, многие предпочитают комфорт и не желают приносить себя в жертву элитам и государству. Время больших войн и жертв в прошлом, но в активном обороте сохранились такие понятия, как «национальная идентичность», «национальная память» и «национальная гордость». Осознавшим это государствам – великим державам приходится иначе выстраивать свои отношения с обществом. Многие современные политики уже руководствуются этими реалиями. Не только в США, но и в России всеобъемлющая военная мобилизация едва ли возможна, однако происходит мобилизация национальной памяти, ценностей и правды. На фоне глобальных медиа выстраиваются, едва соприкасаясь друг с другом, зеркально противоположные версии реальности и правды. Информационные «пузыри» формируются не только в международных отношениях, но и внутри отдельных стран [6: 10-21]. СВО осуществляется пока без объявления войны противнику, без намерений уничтожить его центр принятия решений и при сохранении – хотя во всё более сокращающихся объёмах – поставок энергетических ресурсов как Западу, так и Украине. Не объявлялась и всеобщая мобилизация 25 млн боеспособных граждан². Если бы не реалии слабо мобилизованного общества и экономической взаимозависимости, Россия смогла бы вступить в настоящую войну с Украиной, в которой соотношение сил оказалось бы не в пользу последней. Поиск альтернативы для ухода от противостояния и эскалации должен основываться не на экспромтах, а на теории. В определённом смысле СВО стала результатом провала не только политико-дипломатических усилий, но и теоретической мысли. Приоритетом теории международных отношений должна была бы стать опора на равный цивилизационный диалог с другими. Киев, напротив, ведёт войну мобилизованного национализмом современного общества, провоцируя к новой эскалации и Запад, и Россию. То, что невозможно для великих держав, оказывается вполне допустимо для киевской правящей элиты и отвечает её интересам. Ведь шанс отвоевать все территории, утраченные после 2014 г., появляется у Киева только в случае большой войны России и Запада [6: 10-21].

Стратегические ошибки Запада

«Если говорить о коллективном Западе, его интересах и упущенных вследствие неразумной политики возможностях, можно сформулировать как минимум три его, Запада, стратегические ошибки. Атакуя Россию, коллективный Запад расчищает дорогу Китаю, Индии и другим странам на нашем рынке, которые медленно, но, верно, вытеснят с него западные компании, а вернуться ушедшим будет крайне сложно или невозможно в принципе – места будут заняты вновь пришедшими. Запад стимулирует усиление исламского терроризма, с которым, увы, хорошо знаком у себя дома (вспомним Францию): обвиняя Россию в чрезмерном присутствии и принуждая её уйти с европейского рынка энергоносителей, Запад тем самым способствует приходу нового поставщика, стремительно занимающего освобождающуюся нишу – США, но также и исламские государства, которые втихаря финансируют и терроризм. И, наконец, отказываясь от сотрудничества с Россией, Запад лишает себя целого ряда разнообразных ресурсов и возможностей, которые так нужны для выхода из кризиса и подъёма экономики. Что касается Соединённых Штатов, то ещё одна их цель – не позволить России и ЕС углубить намечавшееся некоторое время назад реальное и разнообразное взаимовыгодное партнёрство. Отбросить перспективы такого партнёрства назад. Особенно между Россией и Германией. Кроме того, кризис на Украине – это смысл дальнейшего существования НАТО. Нужен был новый предлог для сплочения рядов. Нашли. Сплотились ли?» [7].

Развитие цифровой среды породило новое качество *анархии международных отношений*. В привычной логике холодной войны страх и дилемма безопасности были связаны с военной силой, угрозой её применения, а также с идеологическим соперничеством. Вокруг этого восприятия долгое время формировались нормы и правила общежития. Сегодня военные потенциалы никуда не делись. Более того, идёт новая революция в военном деле, в том числе за счёт новых информационных технологий. Однако цифровая среда и общая деградация привычных идеологий разрушили привычные шаблоны восприятия проблем безопасности. Следствием становится размывание сдерживающих ме-

² Такая цифра боеспособных была озвучена С. Шойгу (см. Выступление министра обороны Шойгу // РИА Новости. 21.09.2022. URL: <https://ria.ru/20220921/shoygu-1818321328.html> (дата обращения: 10.10.2022).

ханизмов применения силы, которые существовали раньше. Вероятность её использования повышается. Горьким парадоксом для ветеранов холодной войны с её чёткостью правил, идеологий и норм, становится то, что теперь для кризиса достаточно заняться троллингом или создать фейковые аккаунты в социальных сетях, а не перебрасывать вооружения в «дружественные» страны вблизи границ вероятного противника или вести там серьёзную идеологическую работу. При этом кризисы в виртуальном пространстве приводят в движение вполне реальные военные машины. Выражаясь биржевым языком, цифровая тематика открыла поистине неисчерпаемое пространство для падения уровня отношений между великими державами. Новое «дно» оказалось значительно более глубоким, а «уровни поддержки» – слишком слабыми, чтобы остановить падение «котировок». Другая особенность текущего международного расклада – разнообразие измерений или проекций мирового порядка. Мир уже давно не сводится только к силовой политике и вопросам безопасности, хотя они продолжают быть его значимой компонентой. Строго говоря, вопросы международной безопасности остаются прерогативой узкого круга держав. Так было уже давно, и существующие политические теории адекватно описывали эту асимметрию. Признавали они и существование иных измерений за пределами силы. Однако внимание к ним было либо вторичным (в случае реализма и других консервативных теорий), либо сосредоточенным на специфических вопросах глобализации и взаимозависимости (в случае либеральных теорий). Между тем они оформились во вполне конкретные структурные блоки, специфика которых упускается из вида существующими взглядами на мировой порядок. Можно выделить, как минимум, два таких блока. Так же, как привычный силовой блок описывается в терминах «слабые–сильные», два других блока тоже можно описать в виде своих бинарных оппозиций [8].

1. Любой порядок может иметь место лишь при условии добровольного присоединения участников к лежащим в его основе нормам и принципам. В свою очередь, это возможно только при определенном совпадении их с теми общими ценностями, которые и вынуждают авторов действовать в определенных границах.

2. Распространение в мире демократических ценностей и идеалов не должно создавать иллюзий относительно их общечеловеческого характера. В действительности, как уже отмечалось, речь идет о ценностях западной либерально-демократической идеологии.

3. Не уменьшается и культурно-цивилизационное многообразие мира.

4. Возрастание роли международных обменов и коммуникаций.

5. Своеобразие современного периода состоит в том, что крах международного порядка, сложившегося после 1945 г., произошел в условиях мирного времени.

Трансформация мирового порядка

Современный мир переживает период трансформации мирового порядка, который затрагивает фактически все сферы международных отношений: политическую, экономическую, культурную, научную, спортивную, образование, информационную сферу. В этой связи, важно определить, каковы тенденции в каждой сфере и возможно ли выделить эти мегатренды, исходя из реалий сегодняшнего дня. Возможно, в выстраивании прогностических моделей будущего, основываясь на экономической статистике, результаты политологических и социологических исследований можно создать какую-то научную объективную модель будущего миропорядка. Однако, основываясь на философском понимании общечеловеческих интересов и пытаясь философски обосновать мегатренды глобального развития, мы решили обозначить лишь общие штрихи к картине складывающегося мира.

Поскольку в анализе международных отношений, процессов и явлений, с нашей точки зрения, опора на одну из парадигм в теории международных отношений будет означать неполный и не совсем всесторонний, то мы решили исходить из принципов историзма, объективности, детерминизма, системности, используя синкретический подход.

Современный мир, который американцы пытаются формировать «за счет России, на обломках России» (по З. Бжезинскому) не совсем укладывается в американский образ будущего. Особенно непокорные участники международных отношений – Россия и КНР – при величественном и многозначном нейтралитете Индии не собираются строить свои отношения с миром в «американском мире», а пытаются создать многополярный мир будущего. Россия, Китай и Индия, по меткому выражению Люсьена Пая (он писал о Китае), всегда были «цивилизациями, маскирующимися под нации» [9: 58].

Джордж Кеннан когда-то четко подметил: «неравенство сил между государствами всегда превращает суверенитет в посмешище. И чем больше в мире государств, тем легче империям разделять и властвовать» [Цит. по: 10:73].

«Новый мир – мир великих держав, круг которых уже определен, и среди которых никому больше не найдется места», – так считает известный американский политолог Параг Ханна [11: 444]. Далее он, полемизируя с С. Хантингтоном и его концепцией «Столкновение цивилизаций», пишет: «Империи, а не цивилизации, наполняют географию смыслом...они не признают цивилизационных границ; по мере распространения своих норм и обычаев они могут изменять людей, к какой бы цивилизации те ни относились» [11: 9]. Возможно, ученый прав в том, что «время военного доминирования над миром уже прошло, и сегодня и впредь основой глобального могущества будет экономическая мощь и идеологическая привлекательность» [11: 10 – 11]. Здесь мы можем констатировать, что для ведущих западных политологов идеология не отошла на задний план, а сохраняет свою значимость как важнейший фактор доминирования при определении гегемона в международных отношениях.

Важнейшим маркером современного мира является *отношение к силе* и, в первую очередь, к военной силе. Г. Киссинджер как-то отметил, что «сила может покорить весь мир, но она не способна придать себе законный статус». Пресловутая и искусственно культивируемая на Западе концепция «гуманитарной интервенции» дискредитировала себя и не отвечает современным реалиям, хотя придумываются все более изощренные форматы использования данного инструмента вмешательства во внутренние дела других государств. Наряду с четырьмя «формулами легитимации» гуманитарной интервенции в последние годы применяются откровенный подлог, создание фейков и новой реальности для решения внешнеполитических задач. США наращивают свое военное присутствие в современном мире: военный бюджет более 830 млрд. долларов на 2023 г (скорее всего, в связи с событиями на Украине и участием США в прокси-войне, он будет скорректирован в сторону увеличения), количество военных баз за пределами страны – более 760.

Стирание грани между военными и невоенными вызовами глобальной и региональной безопасности. Взаимозависимость военных и невоенных аспектов (экология, политика, экономика, общественная безопасность – культура) международной безопасности. С трудом можем допустить, что политическое руководство той или иной страны, принимающее военный бюджет или решение об использовании военной силы за рубежом, не имеет отношение к военной безопасности. Проблемы, связанные с национальными языками, историческими событиями, обычаями, стереотипами, имеют непосредственное значение к национальной и коллективной безопасности.

Историческая память как совокупность символов, знаков, героев, стереотипов «должна рассматриваться как культурный конструкт, параметры которого задаются особенностями настоящего и определяются общественной практикой. Здесь огромная роль в формировании образов прошлого принадлежит социальному фактору» [12: 14]. Формирование современных государств на постсоветском пространстве выявило огромную роль прошлого, причем нередко именно древнего прошлого, в формировании национальной идентичности и новой государственной символики. Актуализация исторических событий, символов и героев необходима новым государствам для определения своего места в современных международных отношениях. Исторический нарратив и «образы прошлого» маячат за многими современными международными конфликтами (арабо-израильским, Нагорно-Карабахским, грузино-осетинским, грузино-абхазским, за всеми югославскими конфликтами). Особую остроту приобрели элементы исторической памяти в формировании национальной идентичности современной Украины: героизация идеологов фашизма и оголтелая русофобия, наряду с другими факторами, довели отношения между двумя братскими народами до военного конфликта. Естественно, «образ прошлого не ограничивается историческими текстами, а складывается на основе самых разных источников. Под социальной памятью имеется в виду очень широкий круг общественных и культурных явлений, включающих как объективированную память, так и память в действии» [12]. Социальная память выполняет множество функций: «она формирует идентичность, создает почву для общественной консолидации или, напротив, для раскола, рисует образ чаемого политического устройства, помогает вспомнить о героизме предков и их моральных устоях, предлагает картину золотого века, подводит основу под политические союзы, конструирует образ врага и предлагает язык для обсуждения общественно-значимых проблем» [12: 28].

Прокси-войны становятся частью международных отношений. Конечно, они не являются чем-то новым в международных отношениях. Прокси-войны велись еще древними Афинами и Спартой

руками своих сателлитов. В состоянии прокси-войн перманентно находились СССР и США, между которыми за период «холодной войны» не было прямого столкновения. Именно об этом и девиз вечно стремящихся к гегемонии государств «*divide et impera*» («разделяй и властвуй»). Прокси-войны идут по всему миру, и самая среди них долгоиграющая – это арабо-израильский 70-летний конфликт-война. «Украина – весьма хрупкое государственное образование, Восточные области тяготеют к России, которая сохраняет там сильнейшее влияние. На западе страны преобладает влияние Польши и Румынии. Украинцы разделены на тех, кто видит свою страну как часть Евросоюза и тех, кто предпочитает ориентироваться на Россию, а также тех, кто стремится к абсолютно независимой Украине. Эти реалии делают российское беспокойство все более и более сильным. Такая разделенность является благодатной почвой для манипуляций со стороны любой заинтересованной внешней силы. Русские лучше других это знают, так как сами долгое время манипулировали и играли на внутриукраинских противоречиях. Поэтому в глазах России какое бы то ни было внешнее вмешательство в украинские дела – это однозначно манипуляции, обязательно направленные на ущемление ее позиций», – так охарактеризовал отношение России к Украине известный аналитик Джордж Фридман [13: 275-276]. На западных рубежах «Россия ищет пути обеспечения собственной безопасности, а не экспансия» [13: 281].

Дипломатия силы опять становится важнейшим используемым видом дипломатии. В этой связи характерны заявления западных дипломатов: Жозеп Борель неоднократно заявлял за последние 3 месяца в ходе специальной военной операции России на Украине: «Война может быть окончена только военной победой Украины». Глава Европейской комиссии Урсула Ундер фон Ляйнен: «Мы будем бороться всеми силами до конца против экспансии России». Оказание беспрецедентной военной помощи Украине со стороны США в размере почти 130 млрд. долларов за полтора года (2022-2023 гг) также не является «миротворческой акцией». Скорее всего, это подливание масла в огонь. Необычным для мировой дипломатии оказалась дипломатическая война против России: в течение 2022-2023 гг. почти 800 российских дипломатов объявлены *persona non grata* в более чем в 30 государствах. Фактически парализована работа многих посольств и консульств РФ, что затрудняет решение многих двусторонних и многосторонних задач.

Санкции в системе международных отношений приобрели форму масштабных глобальных акций против отдельных государств. Более 12 000 санкций принято против юридических и физических лиц России за последний год – это рекорд в международных отношениях. Санкции, как экономический инструмент в международных отношениях, стали «вселенским молотом» в руках мирового экономического гиганта – США для решения своих узконациональных задач. Никогда в истории человечества санкции как экономический инструмент не приобретали фактически глобальный характер. Трансграничный характер санкций вовлекает в орбиту американской политики фактически всех участников как международных экономических, так и политических, культурных, спортивных и иных отношений.

Информационные войны стали неотъемлемой частью международных отношений... Российско-украинский конфликт показал роль и значение информационных факторов в международных отношениях. Важно, не что, а как – это правило из литературы перенесено в политику. Манипулирование общественным сознанием мирового сообщества стало важным элементом международных отношений. *Фейк*, обман, искаженное представление событий стали частью работы не только пропагандистов и журналистов, но и политиков и дипломатов. Фейк стал частью международной политики.

Россия пытается в сложных условиях вести многостороннюю и многовекторную дипломатию как в рамках форматов ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, так и в рамках ООН и ВТО. ШОС является одним из ключевых факторов мира и безопасности в Евразии. Хочется верить в то, что со временем ШОС превратится в не-западную субрегиональную международную политическую структуру, которая возьмет на себя решение не только евразийских, но и глобальных проблем человечества. Объединяя уже сегодня 8 стран Евразии, ШОС – это и Россия с Китаем, и Индия с Пакистаном, и Казахстан с Ираном. И другие страны Центральной Азии. И длинная очередь на вступление в её ряды. ШОС – лучший признак того, что эта континентальная организация в будущем может стать платформой для создания системы коллективной безопасности в Азии. Российская специальная военная операция на Украине и январский кризис в Казахстане наряду с обострением западными странами «тайваньской проблемы» могут послужить катализаторами создания подобной системы безопасности. Особенно, в связи с призывами западных лидеров превратить НАТО в «глобального гаранта безопасности».

Новый мировой порядок, по мнению П. Ханна, строят «все и никто» [11: 439-440], полагаясь кто на свою привлекательность, кто на страх перед собой. В итоге, «в современном мире нарастает напряженность из-за того, что каждая из сверхдержав стремится извлечь наибольшую выгоду, однако ни одна из них (США, КНР и ЕС) не обладает достаточной мощностью, чтобы поставить под свой контроль всю систему целиком» [11: 442]. Спецоперация России на Украине и реакция на нее как стран Запада, так и других участников международных отношений, наглядно показала взаимозависимость современного мира. Процесс глокализации неуклонно продолжается. «Жить в мире и быть свободным» от него не удастся никому (перефраз В. И. Ленина). Человечество еще в силах выбрать направление, по которому будет двигаться дальше. Макс Вебер утверждал, что основу цивилизации Запада составляет «рациональная неугомонность», сочетающая разум человека и его неудовлетворенность окружающим миром. Это сочетание порождает желание улучшить мир путем рациональных, посюсторонних действий вместо его безропотного принятия или полного отказа. Сегодня в мировом масштабе «рациональная неугомонность» может послужить емкой характеристикой современной цивилизации.

Выводы

Формирующийся современный мировой порядок остро нуждается в философско-политологическом обосновании с привязкой ее к рациональности и прагматизму. Мировой порядок без учета социальных, культурных, экономических, информационных отношений невозможен. «Любая форма грядущего мирового порядка будет сочетанием транснациональных и интернациональных сетей взаимодействия» (14: 621). Человечество может выйти на более высокий уровень отношений только тогда, когда мы откажемся от политики угроз и ультиматумов, политики шантажа, демонизации других участников международных отношений.

Итак, современная эпоха турбулентности в современных международных отношениях характеризуется следующими особенностями.

1. Мировой порядок меняется. Меняется не только Ялтинско-Потсдамская и пост-биполярная система, но и Вестфальская система со своей государствоцентричностью и «диктатом великих держав». Специальная военная операция России на Украине меняет сложившийся после распада СССР порядок по-американски.

2. Стирание грани между военными и невоенными вызовами глобальной и региональной безопасности.

3. Прокси-войны становятся частью международных отношений.

4. Дипломатия силы опять становится важнейшим используемым видом дипломатии. России объявлена по сути «дипломатическая война».

5. Санкции в системе международных отношений приобрели форму масштабных глобальных акций против отдельных государств.

6. Создаются новые военно-политические блоки: AUKUS, QUAD.

7. Двусторонние отношения между Россией и странами санкционного списка обострены. А отношения с остальным миром стабильны. Всего у РФ дипломатические отношения с 188 странами – членами ООН, и с несколькими непризнанными и полупризнанными государствами мира.

8. 2022 и 2023 годы стали испытанием для международных региональных и субрегиональных организаций, куда входит Россия: БРИКС, ЕАЭС, ШНГ, ОДКБ.

9. Меняются ценностные основы мирового порядка.

10. Пересматривается историческая память, переформатируется нарратив, меняются «краски мира».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современные международные отношения, 1991–2020 гг.: Европа, Северо-Восточная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка: учебник / под ред. Б.Ф. Мартынова, Ю.В. Боровского, О.В. Шишкиной. М.: Издательство АСТ, 2021. 768 с.
2. Закария Ф. Мир в постбиполярную эпоху. М., 2009.
3. Саква Р. Неуставные международные отношения // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 1. С. 34-50.
4. Дэниель Е. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2018.
5. Дэниель Е. Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций. М.: Интеллектуальная литература, 2021.

6. Цыганков А.П. Глобальный конфликт позднего модерна: логика и пределы эскалации // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 20, № 6. С. 10-21.
7. Крылов С. О настрое и настроениях // Россия в глобальной политике. 20.02.2023.
8. Тимофеев И. Новая анархия: сценарии нового мирового порядка. 2 августа 2019 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-anarkhiya-stsenarii-dinamiki-mirovogo-poryadka>
9. Pya Lucian. China. New York: Harper Collins, 1990, p. 58
10. Waltz, Kenneth N. Theory of International Politics, New York, McGraw Hill, 1979.
11. Ханна Параг. Второй мир / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. Статья В.Л. Иноземцева. М.: Изд-во «Европа», 2010. – 616 с.
12. Шнирельман В.А. Социальная память – вопросы теории / Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. – 508 с.
13. Фридман Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.
14. Манн Майкл. Источники социальной власти: в 4-х т Т.4. Глобализации, 1945-2011 годы / пер. с англ. А.В. Лазарева; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 672 с.
15. Braud Ph. Manuel de sociologie politique. Paris, 1992. p. 159.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023

Передана на рецензирование 28.09.2023

Рекомендована к публикации 20.10.2023

Семедов Семед Абакаевич, доктор философских наук, профессор
Институт управления и регионального развития
РАНХиГС при Президенте РФ
119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 82
E-mail: sa-semed@mail.ru

S.A. Semedov

TRANSFORMATION OF GLOBAL ORDER

DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-4-480-490

The global order is changing. Not only Yalta-Potsdam and postbipolar systems are changing but also Westphalian sovereignty with its government centricity and “dictatorship of great Powers” is transforming. New configuration is being built in the modern system of international relations. In the modern system of foreign relations sanctions took a form of wide-scale global actions against certain countries. As an economical instrument in foreign relations, sanctions became a “Universal hammer” in the hands of the world economical giant – the USA – to solve its narrow national objectives. Value foundations of international relations are also being reformatted. Information wars became part of modern international relations. Russia’s special military operation (SMO) in Ukraine is changing the modern American order that established itself after the USSR’s disintegration. The way the future global order is going to be shaped depends on the way Russia is going to solve the Ukrainian question.

Keywords: Global order, global order transformation, Russia, globalization, geopolitics, global order value foundations, information wars, special military operation, sanctions, diplomacy.

REFERENCES

1. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya, 1991–2020 gg. : Evropa, Severo-Vostochnaya Aziya, Blizhnij Vostok, Latinskaya Amerika: uchebnik / pod red. B.F. Martynova, Yu.V. Borovskogo, O.V. SHishkinoy. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2021. 768 s.
2. F. Zakariya. Mir v postbipolyarnuyu epohu. M., 2009.
3. Sakva R. Neustavnye mezhdunarodnye otnosheniya // Rossiya v global'noj politike. 2023. Т. 21. № 1. S. 34-50.
4. Deniel' E. Dobycha: Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast' / Deniel Ergin: Al'pina Pablisher; Moskva; 2018.
5. Deniel' E. Novaya karta mira: Energeticheskie resursy, menyayushchijsya klimat i stolknovenie nacij: Intel'lektual'naya Literatura; Moskva; 2021
6. Cygankov A.P. Global'nyi konflikt pozdnego moderna: logika i predely eskalacii // Rossiya v global'noj politike. 2023. Т. 20. № 6. S. 10-21
7. Krylov S. O nastroe i nastroeniyah // Rossiya v global'noj politike. 20.02.2023.

8. Timofeev I. Novaya anarhiya: scenarii novogo mirovogo poryadka.2 avgusta 2019 g. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-anarkhiya-stsenarii-dinamiki-mirovogo-poryadka>
9. Пя, Lucian. China, New York: Harper Collins, 1990, p. 58.
10. Waltz, Kenneth N. Theory of International Politics, New York, McGraw Hill, 1979.
11. Hanna, Parag. Vtoroj mir/Centr issledovanij postindustrial'nogo obshchestva; Vstup. Stat'ya V.L. Inozemceva. M.: Izd-vo «Evropa», 2010. 616 s.
12. SHnirel'man V.A. Social'naya pamyat' – voprosy teorii/ Istoricheskaya pamyat' i rossijskaya identichnost' / pod. red. V.A. Tishkova, E.A. Pivnevoj. M.: RAN, 2018. 508 s.
13. Dzh. Fridman. «Goryachie» tochki. Geopolitika, krizis i budushchee mira. SPb.: Piter, 2016. 400 s.
14. Mann Majkl. Istochniki social'noj vlasti: v 4-h t T.4. Globalizacii, 1945-2011 gody / per. s ang. A.V. Lazareva; pod nauch. red. D.YU. Karaseva. – Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018. 672 s.
15. Braud Ph. Manuel de sociologie politique. Paris, 1992. p. 159

For citation:

Semedov S.A. Transformation of global order // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2023. Vol. 7, iss. 4. P. 480–490. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-4-480-490> (In Russ.).

The article was received by the editorial office on 09/27/2023

Submitted for review on 09/28/2023

Recommended for publication on 10/20/2023

Semedov S.A., Doctor of Philosophy, Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
Prospekt Vernadskogo, 82, Moscow, Russia, 119571
E-mail: sa-semed@mail.ru